

Л.М. Васильев. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 1. Уфа: Изд-во “Восточный университет”, 2000. 200 с.; Вып. 2. Предикаты свойства, поведения и звучания: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. 146 с.; Вып. 3. Предикаты движения: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. 88 с.; Вып. 4. Предикаты речи: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. 80 с.; Вып. 5. Ментальные, модальные и перцептивные предикаты: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2003. 125 с.

В последние годы в лингвистике отмечается смещение фокуса исследовательских интересов, переход от описания формально-смысловых особенностей и связей языковых единиц к анализу их функционально-коммуникативной обусловленности. Однако можно согласиться с мнением тех авторов, которые подчеркивают, что такое переключение внимания лингвистов вовсе не означает забвения структурно-семантического подхода, а, наоборот, способствует его перенесению на новую плодородную почву [Попова 2002]. На наш взгляд, возможности системного анализа ни в коей мере нельзя считать исчерпанными, особенно если иметь в виду семантический аспект языковых единиц. Тем не менее, несмотря на достаточно глубокую разработанность научно-методологических основ семантического анализа, практическая реализация принципов и задач описания смыслового пространства того или иного языка заметно отстает от достижений в области теоретической семантики (ср., например, фундаментальные работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой,

Л.М. Васильева, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой, Э.В. Кузнецовой и др.). Это утверждение справедливо и по отношению к лексико-семантической системе русского языка, который до сих пор не имеет полного идеографического, тематического и семантического словаря, хотя попытки их создания предпринимались неоднократно. Достаточно упомянуть, например, “Минимальный идеографический словарь” Ю.Н. Караулова (1976), “Русский семантический словарь” под ред. С.Г. Бархударова (1982), “Лексическая основа русского языка (Комплексный учебный словарь)” под ред. В.В. Морковкина (1984), “Лексико-семантические группы русских глаголов (Учебный словарь-справочник)”, составленный под руководством Э.В. Кузнецовой (1988), “Идеографический словарь русского языка” О.С. Баранова (1990), “Русский семантический словарь” под общей редакцией Н.Ю. Шведовой (т. 1–3, 1998–2003), “Толковый словарь русских глаголов (Идеографическое описание)” под ред. Л.Г. Бабенко (1999), “Тематический словарь русского

языка” Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой и В.В. Морковкина (2000), “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” под общим руководством Ю.Д. Адресяна (вып. 1–3, 1999–2003) и др. Рецензируемый нами лексикографический труд Л.М. Васильева значительно отличается от вышеназванных работ и по своему построению, и по способу подачи материала. Он представляет собой системный семантический словарь, так как языковые единицы рассматриваются в нем во всевозможных смысловых связях и отношениях. В “Словаре” Л.М. Васильева описывается глагольная и неглагольная предикатная (признаковая) лексика, классификация которой, как известно, предлагалась многими зарубежными и отечественными лингвистами: У. Чейфмом, Ф. Давешом, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степановым, Н.Ю. Шведовой и др. Автор практически реализует принципы классификации предикатов, изложенные им в ранее опубликованных работах (см., например [Васильев 1990]). В ее основе лежат наиболее абстрактные ядерные идентифицирующие компоненты (иначе – семантические категории), такие как бытие, отношение, состояние, количество и т. д., в соответствии с которыми автор подразделяет всю предикатную лексику и фразеологию на 17 основных семантических классов (макрополей): 1. Бытийные предикаты; 2. Бытийно-пространственные предикаты (предикаты пространственной локализации); 3. Предикаты отношения; 4. Оценочные предикаты; 5. Предикаты состояния; 6. Количественные предикаты; 7. Предикаты свойства; 8. Предикаты поведения; 9. Предикаты звучания; 10. Предикаты движения; 11. Предикаты речи; 12. Ментальные предикаты; 13. Модальные предикаты; 14. Предикаты восприятия; 15. Предикаты чувственно-эмоционального переживания и волевых усилий; 16. Акциональные предикаты; 17. Акционально-процессуальные предикаты. Следует отметить, что к настоящему времени Л.М. Васильевым описана большая часть названных парадигм. Так, отдельные группы предикатной лексики были довольно глубоко проанализированы автором в ряде ранее изданных работ (см., например [Васильев 1981]). Пробные фрагменты “Системного семантического словаря русского языка”, включающие предикаты бытия, пространственной локализации, отношения, оценки, состояния и количества, первоначально были опубликованы в качестве приложений к учебным пособиям автора (см. [Васильев 1994; 1997; 1998]), а затем составили первый выпуск “Словаря”, который вышел в свет как научное издание. Следующие четыре выпуска [предикаты свойства, поведения и звучания; предикаты движения; предикаты речи; ментальные

(эпистемические), модальные и перцептивные предикаты] были изданы в качестве учебных пособий. В январе 2003 г. “Системному семантическому словарю русского языка” Л.М. Васильева был присвоен гриф Министерства образования РФ (по первому выпуску) с рекомендацией в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов.

Отмеченный выше системный характер рецензируемого словаря нагляднее всего обнаруживается при обращении к структуре представленных в нем предикатных макрополей. Так, на первой ступени иерархии семантические классы языковых единиц (предикаты бытия, состояния, оценки, движения, речи и т.д.) подразделяются на определенные подтипы: например, внутри бытийных предикатов разграничиваются абстрактно-бытийные (эссивы), событийные (эвентивы), предикаты возникновения (генеративы), предикаты исчезновения (дегенеративы), предикаты биологического существования (жизни и смерти), бытийно-темпоральные (фазисные): начальной фазы бытия (ингрессивы и инхюативы), конечной фазы бытия (финитивы) и предикаты протекания, длительности бытия (дуративы и итеративы); в состав оценочных предикатов входят модально-оценочные (предикаты необходимости и должностенования, возможности – невозможности, уверенности – неуверенности, истинности – ложности и др.), общеоценочные (*хороший – плохой* и т.п.), частнооценочные (утилитарной, этической, эстетической и сенсорно-чувственной оценки: *полезный – вредный, добрый – злой, красивый – некрасивый, приятный – неприятный* и т.д.) и связочные (ментальные: *считать кого-то кем-чем*; перцептивные: *видеться, казаться*; эмотивные: *чувствовать себя кем-чем*; поведенческие: *вести себя, поступать как-либо* и т.п.). На втором этапе структуриации семантических полей в составе выделенных подгрупп разграничиваются более частные микрополя: например, внутри предикатов, характеризующих коммуникативный аспект речи, выделяются языковые единицы со значением сообщения, обещания, совета, объяснения (разъяснения), аргументирования и неречевых средств передачи информации; внутри предикатов речевого контакта – лексемы и устойчивые сочетания, обозначающие вступление в речевой контакт, обращение с вопросом, “ответчание”, ответ согласием или несогласием; и т.д. Далее внутри каждого из микрополей дифференцируются парадигмы исходных предикатов и их семантических дериватов, противопоставленных по таким семам, как ‘инхюативность’, ‘каузативность’ и др. Каждая лексическая парадигма завершается списком имеющихся страдательных и безличных форм,

а также форм способов глагольного действия (например, *походить, побегать; проходить, пробегать; расходиться, разбегаться* и т.д.) и субъективной оценки (к примеру, *жуликоватый, плутоватый; подленький, гаденский, скверненький*). В тех случаях, когда требуется уточнение значений предикатов и их смысловых дериватов, в словаре указываются их дифференциальные семантические признаки, а также приводится иллюстративный материал – словосочетания или предложения, минимальные по объему, но достаточные для верного понимания содержания лексем или фразеологизмов.

По нашему мнению, важным условием системного описания предикатной лексики, осуществляемого автором рецензируемого словаря, является учет различных типов парадигматических отношений языковых единиц, в частности не только синонимических, но и антонимических. Помимо этого, целесообразным и уместным можно считать включение в “Словарь” наиболее значимых семантических коррелятов предикатных слов, например адъективов, наречий и слов категории состояния, субстантивов (имен действий, состояний, отношений и т. д., а также непередикатных лексем, в том числе обозначений свойств, лиц и др.), числительных, местоимений. Таким образом, все выделенные Л.М. Васильевым классы предикатов являются развернутыми семантическими полями, в состав которых входят лексемы разной частеречной принадлежности. Несомненно, что лексикографическое представление семантических коррелятов является довольно значимым, так как даже элементарное наличие/отсутствие последних имеет отношение к проблеме полноты лексико-грамматического выражения предикатной семантики. Кроме того, включение в “Словарь” этих единиц позволяет поставить актуальные вопросы о содержательных взаимоотношениях глагольных предикатов и их неглагольных соответствий, о приоритетном выражении тех или иных предикатных значений словами определенных частей речи и т.д.

Системный характер “Словаря” Л.М. Васильева нам видится также в том, что в нем предпринимается попытка описания не только лексической, но и грамматической семантики. Так, парадигматическая характеристика лексико-фразеологических единиц сопровождается указанием на их синтагматическую специфику, а именно приводятся модели управления и семантические модели предложения, в которых употребляются предикаты тех или иных классов и их семантические дериваты (инхоативы, каузативы и т.д.). Это представляется довольно целесообразным, поскольку таким об-

разом в “Словарь” включается информация о месте определенных предикатов в семантической структуре предложения, об их семантической валентности (актантной структуре), об их личном и безличном употреблении, о возможностях синтаксических преобразований, отражающих различную интерпретацию говорящим одной и той же типовой ситуации (ср., например, в связи с этим наличие/отсутствие синтаксических аналогов – конверсивов, перифраз, транспозитов и т.д.). Помимо семантических сведений, “Словарь” содержит также информацию прагматического плана, в том числе отражающую значимый потенциал языковых единиц. Указание на коннотативные, функционально-стилистические и иные прагматические характеристики слов и фразеологизмов, осуществляемое с помощью традиционной системы помет (“экспр.”, “шутл.”, “разг.”, “рост.” и др.), не только дополняет, но и углубляет описание языковых единиц с опорой на денотативно-сигнификативный макрокомпонент их значения.

Как отмечается в предисловии к рецензируемому словарю, он не претендует на полноту охвата языкового материала (к примеру, в нем отсутствуют архаизмы, окказионализмы, специальные слова и т.д.), тем не менее основной фонд предикатной лексики представлен в нем в довольно полном объеме. Так, помимо лексем, в “Словарь” включаются устойчивые сочетания, в том числе функциональные аналоги слов (перифрастические трансформации типа *болеть – испытывать/ощущать боль, желать – испытывать/иметь желание* и т.д.). Учет узусальных оборотов, на наш взгляд, является весьма важным, так как с помощью данных единиц устраняется лексическая и семантическая лакунарность, в определенной мере свойственная однословным предикатным номинациям. Так, заполнение лексических лакун заключается в том, что устойчивые сочетания, с одной стороны, возмещают отсутствие глагольных форм в некоторых микрополях (ср.: *неприязнь, вина, удовольствие – испытывать неприязнь, вину, удовольствие*), с другой – образуют лексико-грамматические парадигмы с глагольными формами, обозначая каузацию, возникновение, прекращение отношения, состояния и т.п.: *мирить – восстанавливать мир между кем-либо (каузативность), размещаться – занимать место* (инхоативность), *доверять – терять доверие к кому-чему* (финитивность). Устранение семантических лакун происходит благодаря тому, что устойчивые сочетания имеют самостоятельную познавательную ценность: они содержат в своей смысловой структуре такие компоненты, которые не входят в предметно-логическую часть зна-

чения лексем, следовательно, дескриптивным путем передают так называемые нерелевантные смыслы. К примеру, значительная часть идиом в составе микрополей со значением психического состояния описывает определенные внешние симптомы эмоций, которые не обозначаются универсальными единицами (ср.: *поджилки (руки, ноги) дрожат (трясутся) <от страха>, делать большие (круглые) глаза, ног (земли) не чуют (не чувствовать, не слышать) под собой <от радости>* и т.п.).

Можно полагать, что “прозрачность”, логичность композиции “Словаря”, которая обеспечивает удобство пользования им, является результатом четкой продуманности и последовательной реализации единых методологических принципов классификации предикатной лексики. Аналогичное утверждение можно отнести и к способу подачи материала. Сжатость, экономность, единообразие и в то же время целостность представления языковых единиц не просто облегчают восприятие содержания: в результате внимательного прочтения “Словаря” создается ясное представление о системной организации предикатной лексики, которое свидетельствует об адекватности авторского описания этой семантической сферы онтологии языка.

Следует подчеркнуть, что объективная оценка любого лексикографического труда определяется тем, насколько верно сумеет читатель понять авторскую концепцию, стоящую за строгим описанием материала, и глубину тех проблем, во многом не решенных, которые неизбежно возникают в ходе анализа значений языковых единиц. В связи с этим можно утверждать, что “Системный семантический словарь” Л.М. Васильева представляет собой комплексный труд, сочетающий достоинства солидного лексикографического источника, серьезного теоретического исследования и полезного методического пособия. Так, научная ценность “Словаря” заключается, на наш взгляд, в том, что внимательное ознакомление с ним позволяет лингвистам (в том числе и начинающим) не только по-новому осмыслить традиционные проблемы семантики, но и увидеть новые. Назовем лишь некоторые из этих проблем. Прежде всего, это вопрос о семантической диффузности лексических единиц, которая в отдельных случаях затрудняет их однозначную лексикографическую интерпретацию. К примеру, одним из видов диффузности является синкретизм значений лексем, который можно проиллюстрировать многочисленными примерами из “Словаря” Л.М. Васильева: так, среди предикатов речи выделяется довольно большая группа лексико-фразеологических единиц, характеризующих эмоциональное “на-

полнение” речи. В частности предикаты, которые обозначают недовольство осуждающего, каузацию обиды унижением и т.д.: *упрекать*, разг. *пилить*, *здать головомойку (взбучку)* кому за что, *насмехаться*, *издеваться* и др. (в их значении сема эмотивности является периферийной). Аналогично этому внутри предикатов этической оценки вычлениаются парадигмы языковых единиц со значением поведения (морального/аморального, честного/нечестного, вежливого/невежливого и т.д.). В соответствии с авторской классификацией предикатов указанные единицы относятся к полю речи и полю оценки, хотя, как представляется, именно вследствие диффузности значения они могут составлять периферию поля эмотивности (в первом случае) и поведения (во втором) или, точнее, зоны семантического перехода – так называемые “семантические швы”. Другой, не менее сложный, вопрос, который может возникнуть при прочтении рецензируемого словаря, – это вопрос о семантических категориях, “пронизывающих” языковое пространство. На наш взгляд, работа с материалами “Словаря” открывает очень интересные перспективы, связанные с выявлением не только конечного числа семантических категорий русского языка, но и их структуры, содержательного наполнения, способов конкретного лексико-грамматического воплощения в пределах тех или иных макро- и микрополей предикатов, а также возможных видов их “комбинирования” в значениях лексем, входящих в определенные семантические классы. Наконец, ознакомление со “Словарем” Л.М. Васильева позволяет поднять проблему соотношения семантических и понятийных (шире – когнитивных) категорий, которая может быть отчасти решена при условии верного понимания авторской концепции. На наш взгляд, сам перечень проблем, связанных с анализом языкового материала “Системного семантического словаря” (этот список, кстати, является открытым), свидетельствует о глубокой разработке теоретических основ рецензируемого лексикографического источника. Дальнейшее решение указанных проблем с опорой на предикатную лексику, систематизированную в “Словаре”, представляется довольно перспективным, причем не только в научном, но и в методическом отношении. В частности, материалы “Словаря” могут послужить основой для написания разнообразных по тематике дипломных и диссертационных сочинений.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что результат многолетнего труда профессора Л.М. Васильева по картированию семантического пространства русской предикатной лексики будет по достоинству оценен специ-

алистами разных областей лингвистики и станет отправной точкой для дальнейшего исследования содержательной стороны этих единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев 1981 – *Л.М. Васильев*. Семантика русского глагола: Учебное пособие. М., 1981.
- Васильев 1990 – *Л.М. Васильев*. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
- Васильев 1994 – *Л.М. Васильев*. Теоретические проблемы лингвистики (внутреннее

устройство языка как знаковой системы): Учебное пособие. Уфа, 1994.

- Васильев 1997 – *Л.М. Васильев*. Методы современной лингвистики: Учебное пособие по общему языкознанию. Уфа, 1997.
- Васильев 1998 – *Л.М. Васильев*. Общие проблемы лингвистики. Внешние связи языка: Учебное пособие по общему языкознанию. Уфа, 1998.
- Попова 2002 – *Е.А. Попова*. Человек как основополагающая величина современного языкознания // ФН. 2002. № 3.

Л.А. Калимуллина